

Усадьба Тысячи Журавлей раскинулась на склонах горы, окруженной тысячами пиков разной величины. Здесь то и дело можно было услышать крики журавлей, парящих над горными ручьями, отчего место и получило своё название.

Сама усадьба расположилась на самом высоком из этих пиков. Она сильно отличалась от других подобных владений: по сути, это был небольшой город, где можно было найти любые лавки и мастерские. Однако, в отличие от обычных поселений, Усадьба Тысячи Журавлей была независимой организацией, не подчинявшейся императорскому двору, зато находившейся под полным управлением Поместья Мо.

Поначалу в усадьбе находилось лишь само Поместье Мо, и всё необходимое для жизни приходилось закупать в городах у подножия горы. Со временем людей в поместье становилось всё больше, и они научились обеспечивать себя сами, но управлять такой оравой стало нелегко.

Первый глава усадьбы решил выделить некоторые должности из штата поместья. Эти подразделения получили право торговать с внешним миром от имени Усадьбы Тысячи Журавлей, а также совершать сделки между собой. Всю прибыль они передавали в Поместье Мо, которое распределяло вознаграждение в зависимости от вклада каждого. Постепенно эти подразделения разрослись и окрепли, научившись стоять на собственных ногах.

Тогда глава ввёл систему частичного управления: подразделения больше не подчинялись Поместью Мо напрямую. Они могли вести торговлю с внешним миром самостоятельно, отдавая лишь половину прибыли в казну поместья для дальнейшего распределения.

Со временем сложилась нынешняя модель. Каждое подразделение стало отдельной лавкой или домом, а Поместье Мо выполняло роль управляющего и координатора, выступая гарантом справедливости и честности сделок. Ежемесячно каждое подразделение отчисляло в Поместье Мо двадцать процентов дохода в качестве платы за землю и управление. А те лавки, что прибыли не приносили, поместье даже субсидировало, чтобы обеспечить их нужды.

Эта система напоминала государственную, но с одним отличием: у Поместья Мо не было права вершить суд над жизнью и смертью, как не было и права ограничивать личную свободу других. Все жители усадьбы были равны и независимы, без различий в знатности или рангах. Несмотря на роль управляющего органа, люди из Поместья Мо не имели никаких привилегий: они платили за товары наравне со всеми и обязаны были соблюдать общие правила. Остальные не должны были падать ниц при встрече с обитателями поместья. А те, кто не желал подчиняться правилам Поместья Мо, могли просто покинуть усадьбу и искать счастья в другом месте.

Конечно, Поместье Мо держало и собственные лавки за пределами усадьбы. В отличие от независимых, они находились под полным контролем поместья, и работали в них только свои люди. Именно в такую лавку тканей и направлялся Мо Янь. Пусть она уступала в масштабах крупнейшим торговым точкам, зато здесь всегда можно было достать материю, которую нигде больше не сыскать.

— Почему мы так поздно шьем одежду? До Нового года осталось всего несколько дней!

Едва переступив порог, Мо Янь услышал, как Мо Инь отчитывает Мо Ди, номинального владельца этой лавки.

— Глава, вы не знаете, — оправдывался Мо Ди. — Раньше мы каждый год закупали ткани в одной лавке в Цзяннани, но когда мы приехали в этот раз, её там не оказалось!

— Исчезла?

— Именно. На том месте теперь пустырь, кругом обломки кирпичей, черепица да клочья гнилой ткани. Видимо, хозяева столкнулись с бедой, лавка закрылась, а всё имущество растащили местные жители.

— Что могло случиться, чтобы такая большая лавка просто исчезла?

— Мы расспросили соседей, но слухов много, а толку мало. Пришлось идти в местную управу, изучать архивы. Оказалось, ту лавку основали люди из Долины Яньюэ. А в конце лета Долину Яньюэ уничтожили, вот лавка и пришла в упадок.

— Как называлась та лавка? — Мо Янь словно что-то вспомнил.

— Магазин тканей Фэйцюн!

— Небесный яшмовый блеск, да земная любовь коротка, — проговорил стоявший рядом Мо Чунь. — Цюн — это же драгоценная яшма. Я слышал, в имени главы Долины Яньюэ есть иероглиф Яо, тоже означающий яшму. Боюсь, тот, кто основал эту лавку, питал к своему главе чувства, о которых не принято говорить.

Мо Чунь, управляющий Поместья Мо, был человеком тридцати пяти лет, знающим и опытным. Мо Инь доверил ему ведение торговых дел, сосредоточившись на вопросах Альянса Боевых Искусств.

— В записях чиновников основателем Фэйцюн значится некто по фамилии Лю, имя — Фэй, — добавил Мо Ди.

— Лю Фэй был правой рукой главы Долины Яньюэ, — глубокомысленно заметил Мо Чунь. — Похоже, я не ошибся: название лавки составлено из имён этих двоих. И правда... весьма романтично. Говорят, глава долины был писанным красавцем.

— Ты видел его лицо? — спросил Мо Ди.

— Я же сказал — говорят. Конечно, не видел. Тот глава всегда появлялся на публике в маске. Думаю, во всем мире наберется едва ли пять человек, видевших его без неё.

— Если почти никто его не видел, то на чьи слова ты ссылаешься? — не унимался Мо Ди.

— Не пробовал свинины, так хоть на свиную ножку поглядел, да? Пусть лица его никто не видел, но людей, которые видели его фигуру, немало. Все как один говорят: статен, строен, словно парящий лебедь или грациозный дракон. Даже журавли, что живут среди гор и вод, померкли бы рядом с ним. Раз уж у него облик небожителя, разве может лицо быть некрасивым? И потом, если бы он был уродлив, стали бы его левая и правая руки падать ниц перед его красотой?!

Мо Чунь, столкнувшись с таким дотошным собеседником, в сердцах махнул рукой.

<http://bllate.org/book/20959/2126309>